

378

К 36

Л. Е. КЕРТМАН
Н. Е. ВАСИЛЬЕВА
С. Г. ШУСТОВ

**ПЕРВЫЙ
НА
УРАЛЕ**

**ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
1916-1986**

Глава 4

ПГУ В ГОДЫ

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Благодаря достигнутому во второй половине тридцатых годов успехам в области совершенствования университетской системы перед ПГУ открывались такие перспективы, каких не было на протяжении всей его предшествующей истории. Существенно улучшилась материальная база, начал формироваться устойчивый профессорско-преподавательский коллектив. Складывалась реальная возможность достижения подлинной зрелости в рамках сравнительно короткого исторического периода.

Однако реализацию накопленных возможностей пришлось отложить не менее чем на десятилетие, так как наступившие тяжелые испытания болезненно сказались на функционировании сложного университетского механизма. Преподаватели, студенты, сотрудники с первых дней войны видели свой гражданский долг в подчинении всех общественных и личных задач защите Отечества и достижению Победы. Вместе с тем и дальновидная политика партийного и государственного руководства, и гражданское самосознание университетского коллектива нашли выражение в том, что вся работа строилась с таким расчетом, чтобы, насколько не ослабляя помощи фронту, где сражались и сотрудники университета, не прекращать подготовки кадров, необходимых как в ходе самой войны, так и в последующее время. Университетскому коллективу удалось, несмотря на трагические потери людей и на неизбежное отвлечение преподавателей и студентов от науки и учебы для выполнения самых различных работ в промышленности, сельском хозяйстве, прийти к дню Победы, сохранив свою структуру и не растеряв основной кадровый состав.

23 июня 1941 г. в университетском клубе состоялся митинг. В принятой на нем резолюции преподаватели

и студенты заявили: «Мы заверяем наше Советское правительство, коммунистическую партию, что отдадим все силы, чтобы помочь доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии разгромить врага».

Среди первых добровольцев были ректор А. И. Букрев, секретарь партбюро университета П. К. Попов, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма К. С. Бочкарев... 30 научных работников и 400 студентов ушли на защиту Родины, в том числе преподаватели К. Ф. Калмыков, А. А. Генкель, А. В. Костин, студенты Г. П. Глушенко, Л. Н. Лобовников, А. Г. Сбитнев.

Многие из них погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Состояние духа людей, творивших жестокое и необходимое будничное дело войны и отдавших свои жизни во имя спасения Родины, талантливо выразил известный уральский поэт, выпускник геологического факультета Владислав Занадворов (погиб в 1942 г.) в стихотворении «Война».

Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит свое выраженье,
Это — изо дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
Это — боль головная, что ломит висок,
Это — юность моя, что в окопах истлела.
Это грязных, разбитых дорог колеи,
Бесприютные звезды окопных ночевок;
Это — кровью омытые письма мои,
Что написаны криво на ложе винтовок;
Это — в жизни короткий последний рассвет
Над изрытой землей. И лишь как завершение —
Под разрывы снарядов, при вспышках ракет —
Беззаветная гибель на поле сраженья.

Даже теперь, спустя 40 с лишним лет после окончания войны, несмотря на энергичную деятельность группы «Понск», университет не располагает сведениями о всех членах коллектива, погибших в боях. Некоторые воспитанники университета ушли из жизни, совершив выдающиеся подвиги. Леонид Ерофеевских, удостоенный многих правительственных наград, звание Героя Советского Союза получил за освобождение Вильнюса. Валерий Рылов — за героизм, проявленный при форсировании реки Западная Двина. Григорий Ожмегов, бывший в начале войны партизаном на Украине, — за участие в освобождении Румынии. Среди ушедших на фронт

из университета и ныне работающих в нем есть те, кто прошел всю войну и сыграл значительную роль в последующей истории университета. Среди них заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, доктор химических наук, заведующий кафедрой физической химии Виктор Васильевич Кузнецов. Выпускник Пермского университета, ассистент кафедры, которой ныне заведует, он ушел в армию еще в 1939 г. Вот отрывок из воспоминаний В. В. Кузнецова:

«На всю жизнь останется в памяти трудная солдатская жизнь в годы Великой Отечественной войны. В составе 167-го легкоартиллерийского полка 85-й стрелковой дивизии в первый день войны я получил боевое крещение в сражениях с фашистами вблизи государственной границы в Белоруссии, западнее Гродно. Здесь впервые познал, что такое стрелковая атака, особые сложности первых дней войны. С большим волнением при каждом упоминании о битвах под Сталинградом вспоминаю об участии в тех жестоких сражениях. Радостная весть о Победе застала меня в Симферополе. Наша часть несла службу по охране государственной границы в Крыму».

Суровая военная биография у заведующего кафедрой природных и биологически активных соединений, профессора Ивана Сергеевича Бердинского, который был начальником химической службы. Он вспоминает о боях на Центральном фронте, на Курской дуге, при форсировании Десны.

Ряды армии пополнялись членами университетского коллектива не только в первые месяцы войны, но и в последующие годы. Уже к началу 1943 г. в армию ушли более половины коммунистов университета.

О первых шагах университетского коллектива летом 1941 г. вспоминает профессор И. И. Лапкин: «Мы были уверены в неотвратимости войны, и все же она началась неожиданно. Ушли на фронт многие студенты и преподаватели». Для защиты Москвы был сформирован отряд девушек-зенитчиц. Одна из них, впоследствии старший преподаватель кафедры истории КПСС, А. А. Дылдина, вспоминает: «5 апреля 1942 года создан Московский фронт ПВО. По призыву ЦК комсомола для службы в войсках ПВО мобилизованы девушки-комсомолки. На защиту неба Москвы уехали добровольцами 40 девушек нашего университета. Среди них были студентки

Вера Журавлева, Люда Пономарева, Ира Болотова, Тамара Клопина, Света Назаровская, Надя Киселева, Роза Абашева, Римма Сипицына, Надя Ушакова, Люся Коровина, Панна Оборина и другие.

14 апреля эшелон (всего из области отправилось более 2,5 тыс. девушек) вышел в путь со станции Пермь II. Перед отправлением состоялся митинг, на котором с напутственными речами выступили первый секретарь Пермского обкома партии Николай Иванович Гусаров, руководящие комсомольские работники.

В Москве мы, студентки университета, попали в 22-й зенитно-пулеметный полк. После краткого обучения нас направили на разные объекты и точки: на охрану аэродромов, мостов, радиостанций, канала Москва-Волга, промышленных и других объектов — в качестве зенитных пулеметчиков, наблюдателей-разведчиков, связистов и т. д.».

Весомый вклад внесли в борьбу с врагом те, кто оставался в тылу. 5 июля 1941 г. состоялось партийное собрание университета. Исходя из указаний ЦК ВКП(б), местных партийных органов и Наркомата просвещения РСФСР, коммунисты разработали конкретные мероприятия по перестройке работы вуза. В резолюции собрания записано: «Задача партийной организации состоит в том, чтобы все силы университета направить на оборону страны, на организацию помощи Красной Армии».

Уже в первые месяцы войны в университете организован сбор теплых вещей, отчисляются в фонд обороны часть зарплаты или наличные средства, отправляются на фронт подарки, в том числе для воинов, которые призваны в армию из университета.

Но главная задача университета заключалась в ускоренной подготовке специалистов, в развитии отраслей науки оборонного значения, в оказании помощи промышленности, транспорту, сельскому хозяйству.

К началу учебных занятий сильно изменилась материальная база вуза. Университет должен был принять и разместить на своей территории эвакуированные из Москвы и других городов государственные учреждения. Так, весь главный корпус (ныне корпус № 2) и самое благоустроенное общежитие были отданы Наркомату угольной промышленности; в химическом и географическом учебных корпусах, оставшихся за университетом,

разместились кафедры Пермского сельскохозяйственного института, здания которого занял госпиталь; географический корпус (ныне корпус № 5) частично был использован под остальные кафедры института, частично под переехавший сюда краеведческий музей. Как вспоминает И. И. Лапкин, «все коридоры второго этажа этого здания были заставлены чучелами животных и птиц, что создавало невероятную скученность». На 1 августа 1941 г. университет имел в своем распоряжении около 20 небольших аудиторий на 15—20 человек и только 4 аудитории для сводных лекций.

В бедственном положении оказалась библиотека. В 1941 г. почти все книги библиотеки, собранные с таким трудом в тридцатые годы, были свалены в физкультурном зале. Только в середине 1943 г. часть книг расставили на стеллажах. Библиотеку обслуживали всего три человека.

Партия и правительство, исходя из насущных потребностей военного времени и из перспективного послевоенного развития, проявили заботу о вузах. Были намечены мероприятия по укреплению вузов, упорядочению приема в них, что обязывало местные органы до 15 мая 1942 г. предоставить вузам, у которых изъяты учебные здания и общежития под размещение эвакуированных предприятий, госпиталей и военных организаций, необходимые помещения, обеспечивающие проведение занятий в 1942/43 учебном году. Запрещалось занимать учебные здания, общежития, передавать инвентарь и оборудование вузов без разрешения СНК СССР. Однако и в 1943 г. университет получил лишь незначительную часть своих площадей, так как ряд помещений пришлось передать только что созданному комбинату «Молотовуголь». К лету 1943 г. университет располагал по-прежнему двумя учебными корпусами, имел три общежития барачного типа и четырехэтажное благоустроенное общежитие № 1.

Наряду с сокращением материальной базы, острыми стали проблемы топлива и электроэнергии, бытовые трудности. Городские организации в первую очередь решали проблему обеспечения топливом предприятий оборонного значения, поэтому университет самостоятельно заготавливал дрова, разгружал уголь. Отчеты ректора военных лет полны тревоги по поводу тяжелых условий,

в которых должен проходить учебный процесс. Так, в декабре 1941 г. ректор издал приказ, в котором устанавливал: 1) не допускать пользование электроэнергией днем; 2) изъять потолочные лампы мощностью более 100 ватт; 3) запретить пользование отопительными приборами. Температуру воздуха в аудиториях не удавалось поднять выше 8—10°, часто было еще холоднее. В марте 1942 г. для более организованного решения проблем заготовки и разгрузки дров и угля в университете по приказу ректора создан и успешно действовал специальный штаб. В августе 1943 г. заготовлено 700 кубометров дров и около 300 тонн угля, что дало возможность котельной поддерживать температуру в учебных помещениях до 12—14° тепла. Доставка дров и угля осуществлялась в основном вручную, так как университет имел лишь одну автомашину, не пригодную для длительных перевозок, и две лошади. Ситуация изменилась в феврале 1944 г., когда в университете восстановили паропровод и по договору с электростанцией началось отопление паром. Это улучшило бытовые условия студентов в общежитиях и дало возможность приблизить к норме температуру воздуха в учебных помещениях.

Огромные трудности в начале войны были связаны с необходимостью сочетать учебу с участием в хозяйственных работах. Научные работники и студенты на длительный срок отрывались от преподавания и учебы для заготовки дров и угля, уборки урожая, строительства предприятий, расчистки железнодорожных путей, работы в совхозах и подсобном хозяйстве, на заводах и в госпиталях. Приказы ректора первого военного года пестрят распоряжениями: «считать в бригаде работающих в госпитале следующих товарищей...», «для проведения срочных работ — выгрузки дров из барж — явиться...», «для проведения работ по подготовке здания университета к зиме...», «для работ по выгрузке древесины семьям красноармейцев...», «для работ по очистке снега на станции Пермь II...» и т. д. Для выполнения всех этих работ прерывался учебный процесс.

Комитет комсомола создал специальное бюро, установившее контакт с промышленными предприятиями. В 1943 г. только на заводе имени Ф. Э. Дзержинского были постоянно заняты 200 студентов университета. Трудно перечислить все формы физического труда, кото-

рый они выполняли в то тяжелое время. Но работали без ропота, охотно, зная, что это их вклад в победу над злейшим, какого когда-либо знала история человечества, врагом.

Выпускники университета военных лет вспоминают о трудностях в быту и учебе, особенно в первый период войны, и об атмосфере трудового подъема, готовности к любым испытаниям.

«Учились вечером с восьми до двенадцати часов и четверть смены работали на конвейере завода имени Ф. Э. Дзержинского. В больших аудиториях было холодно, застывали за ночь чернила. Сидели в пальто. Помню, как профессор Захваткин заходил к нам, снимал шапку, поднимал воротник и начинал лекцию. Трудились на лесозаготовках. Наш курс должен был вывезти дрова в Пермь, погрузив их на баржу. Мы выносили двухметровник из леса на просеку и складывали его в штабеля. Работа тяжелая, восемь часов в сутки подряд, ибо норма была большая, а одеты кто в чем. Некоторые девушки были в лаптях, я в футбольных бутсах, у которых оторвали шипы. Несмотря на тяжелый труд, мы работали хорошо, жили дружно и выполняли норму, за что и были премированы на итоговом комсомольском собрании (я — отрезом на юбку). Но, несмотря на трудности, мы были бодры, веселы: устраивали хорошие вечера, у нас был замечательный драмколлектив. Ставили «Бесприданницу», «Бориса Годунова», «Декабристов». Эти спектакли собирали всех жителей Заимки, приходили преподаватели с семьями. Пользовалась успехом стенгазета со стихами Владимира Радкевича. Мы бегали на спектакли Ленинградского оперного театра, нашими кумирами были Наталья Дудинская, Галина Уланова. Мы жили полнокровной жизнью и не страшились трудностей», — так рассказывает Б. М. Чирвинская, впоследствии ассистент кафедры зоологии позвоночных. Ее рассказ дополняет выпускница 1946 г., ныне заслуженный учитель школы РСФСР Т. А. Рубинштейн: «Да, тяжкое было время, и каждое слово симоновского стихотворения «Убей его!» звучало как заклятье, а проникновенные строки «Жди меня» казались обращенными к каждой из нас, ибо, кроме троих юношей, на филологическом отделении учились одни девочки. И все же это время запомнилось, и не только потому, что мы были молоды, но и потому, что именно

в то время человек проверялся в делах, в поступках. Все мы, комсомольцы, пошли добровольно работать на завод имени Ф. Э. Дзержинского, делали снаряды. Рабочий день наш выглядел так: с девяти утра до двух часов дня — занятия в университете, с шести вечера до двух часов ночи — работа на заводе, на конвейере. Кажалось бы, для настоящей учебы времени не оставалось. А между тем как много мы успевали! Читали, спорили, создавали газеты, около которых толпился весь университет».

Помимо работы в промышленности и в сельском хозяйстве, студенты несли немалую дополнительную нагрузку, связанную с военной подготовкой. В рамках учебного процесса шло военное обучение по 200-часовой программе, причем часть ее приходилось включать в расширенные сверх установленных в начале войны 42 часов занятий в неделю. Физкультура также становилась частью военной подготовки, обеспечивающей приобретение военно-прикладных навыков. Всей этой работой успешно руководила военная кафедра, работавшая по профилю «медсестра запаса».

С 1944 г. на всех факультетах введен единый военный день. Лыжные кроссы носили поистине массовый характер (лыжный кросс 1942 г. — 192 человека, 2-й профсоюзно-комсомольский кросс 1943 г. — 150, лыжный кросс 1944 г. — 115 человек). Традиционными были спортивные эстафеты имени газеты «Звезда» и газеты «Дзержинец». В лыжных и стрелковых соревнованиях, на открытии лыжного сезона города спортсмены университета занимали призовые места.

С первых дней войны партийная организация университета уделяла большое внимание постановке военной учебы среди студентов и научных работников, как и в целом подготовке боевых резервов для фронта. Следуя почину москвичей и ленинградцев, университетский коллектив сформировал несколько отрядов народного ополчения и 47 групп по изучению ПВХО. Уже в первые дни войны нормы ПВХО сдали 269 человек. Кроме того, все мужчины до 50-летнего возраста проходили обязательное военное обучение, организованное военным комитетом в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны. Среди обучавшихся в этой системе были и ведущие ученые ПГУ — ректор Р. В. Мерц-

лин, доценты А. И. Оборин, П. Е. Степанов, В. А. Апродов и другие.

Военную подготовку, работу на заводах, лесозаготовках, в колхозах, шефство над госпиталями и другие обязанности, возложенные на весь университетский коллектив самим ходом истории, необходимо было выполнять, по возможности без ущерба для основной задачи — подготовки кадров. В начале войны предпринята попытка ускоренного прохождения университетского курса. Приказом наркома просвещения в 1941 г. срок обучения был сокращен до трех лет; для студентов, выполнивших к лету 1941 г. программу четырех курсов, в течение июля организована сдача одного комплексного государственного экзамена и выданы дипломы; для студентов других курсов занятия организовали так, чтобы обеспечивался выпуск приема 1938 г. — к 1 мая 1942 г., приема 1939 г. — к 1 февраля 1943 г., приема 1940 г. — к 1 июля 1943 г. При организации учебной работы предложено исходить из продолжительности учебных занятий 42 часа в неделю (7 часов в день) и сокращения зимних и летних каникул. В период учебной практики для студентов устанавливался 8-часовой рабочий день. Отменялся прием в аспирантуру.

Последовавший вскоре приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) отменял посещение занятий для студентов, совмещающих учебу с работой на предприятиях. Такая перестройка всего учебного процесса потребовала специальных мер, чтобы свести к минимуму неизбежные потери в качестве подготовки специалистов. Для студентов, занятых на производстве, организованы дополнительные лекции, пересматривались программы почти по всем дисциплинам, чтобы сосредоточить внимание на основных, абсолютно необходимых разделах каждой дисциплины, увеличены часы консультаций.

Однако чрезвычайные меры, принятые в начале войны, уже в 1942 г. были отменены, так как даже при крайнем напряжении сил студентов и преподавателей подготовить полноценных специалистов за три года было невозможно. Восстановлен пятилетний срок обучения, с начала 1943 г. вновь введено посещение всех видов занятий. В 1944 г. восстановлены зимние каникулы.

В первый период войны резко ухудшилось снабжение студентов и преподавателей продуктами питания и

предметами первой необходимости. Не всегда студенты могли получить по карточкам полный паек. Ситуация улучшилась в начале 1943 г., когда правительством было принято решение об улучшении питания студентов вузов. С 1 марта 1943 г. устанавливалось снабжение студентов продовольственными товарами по нормам рабочих промышленности, транспорта и связи. В составе Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР был создан отдел материально-бытового обслуживания студентов вузов. Приказом ректора от 5 апреля 1943 г. в университете создавался отдел снабжения, в ведение которого попали столовая, магазин, позднее открыты пошивочная мастерская, сапожная по ремонту обуви, баня и прачечная.

Большой опорой было подсобное хозяйство, организованное в феврале 1943 г. в «Предуралье». Подсобное хозяйство при университетском ботаническом саду занимало 2 га земли, и все работы там выполняли студенты и научные работники. Оба хозяйства являлись важнейшим источником продовольствия и подспорьем для столовой. В период производственной практики продуктами питания обеспечивал Троицкий заповедник. По инициативе парторганизации (секретарь М. З. Лаврова) в Троицк на летнее время были отправлены дети сотрудников.

Забота партии и правительства о высшей школе сыграла исключительно важную роль: в тяжелых условиях первого периода войны оно способствовало улучшению материального положения студентов, стабилизации контингента, улучшению условий жизни и работы профессорско-преподавательского состава. 15 сентября 1943 г. СНК СССР принял решение об установлении стипендий для всех успевающих студентов (до этого она выплачивалась только тем, кто учился на «хорошо» и «отлично»). Правительство приняло ряд постановлений об освобождении от платы за обучение студентов-инвалидов Великой Отечественной войны, иждивенцев рядового и младшего командного состава, детей офицеров, погибших на фронте. Важным фактором, повлиявшим на сохранение и увеличение контингента студентов, было учреждение в сентябре 1944 г. комиссии, которой поручались разработка и проведение необходимых мероприятий по улучшению материально-бытового и культурного обслуживания студентов высших учебных заведений.

Продовольственные фонды для студентов стали отпускаться целевым назначением, при студенческих столовых открыли буфеты с продажей горячих напитков, студентам-отличникам и инвалидам войны дополнительно отпускались вторые горячие блюда, а больным студентам выдавалось дополнительное питание. В течение первого семестра 1943/44 учебного года студентам через отдел снабжения отпущено сверх питания по карточкам 19 тысяч вторых блюд. Улучшилось снабжение студентов промышленными товарами.

Все эти меры способствовали решению одной из важнейших проблем, вставших перед вузами страны, и, в частности, перед ПГУ, а именно проблемы сохранения контингента, обеспечения новых наборов, сокращения отсева. Уход студентов в армию, эвакуация и реэвакуация, материально-бытовые трудности, вынуждавшие бросать учебу (особенно в тех семьях, где студент после гибели отца становился основным кормильцем), — все это неизбежно приводило к сокращению контингента, текучести студенческой массы.

Первый набор военного времени в ПГУ прошел почти нормально. При плане приема в 250 человек было зачислено на первый курс 231, в том числе 34 человека — на новый историко-филологический факультет. Дальнейшие наборы проходили значительно хуже, несмотря на меры, принятые в общегосударственном масштабе и на местном уровне.

С 1942 г. для лиц, окончивших школу на «хорошо» и «отлично», отменялись вступительные экзамены, без экзаменов зачислялись инвалиды войны. Администрация, партийная организация делали все для обеспечения стабильности контингента студентов. Так, в феврале 1942 г. в университете открыты подготовительные курсы. Они имели целью не только привлечь к учебе в университете молодежь тыла, но и облегчить возможность поступления демобилизованным бойцам, командирам и политработникам РККА, в поступлении которых университет был очень заинтересован. Для разъяснительной работы среди учащихся средних школ только весной 1943 г. научные сотрудники университета выезжали более чем в 30 пунктов области, а также в Нижний Тагил, Ижевск, Кировскую область. Летом 1944 г. с подготовительных курсов поступили в университет 86 человек. Однако ситуация с контингентом осталась сложной. По

итогах летнего набора 1944 г. в университет зачислено 636 человек (против плана приема 450), однако к началу занятий явились только 388.

Текучесть профессорско-преподавательского состава объяснялась тем, что часть преподавателей ушли в армию, прибыли эвакуированные из других городов ученые (главным образом из Ленинграда), затем наступила реэвакуация. Основной кадровый состав, сформировавшийся в тридцатые годы и включавший преподавателей, работавших в университете еще до его реорганизации в 1930 г., и большую группу ученых, приглашенных из других городов, оставался неизменным. Исключение составлял историко-филологический факультет, на котором работали в годы войны лишь совместители (из пединститута) либо эвакуированные ученые.

На историческом отделении обязанность заведующего кафедрой истории СССР исполнял эвакуированный из Белорусского университета доцент А. П. Пьянков, учившийся в двадцатых годах в ПГУ. После окончания войны он откомандирован обратно в Минск. Кафедрой древней истории заведовал доцент П. Н. Тарков, который в конце войны и в первые послевоенные годы совмещал работу в Перми с докторантурой в Москве, в Институте истории АН СССР. После защиты докторской диссертации в 1947 г. он уехал из Перми. В сложной ситуации, когда на только что восстановленном факультете практически отсутствовали местные кадры, привлечение этих специалистов было временным выходом из положения.

В 1944 г. в университет пришел из мединститута, где он преподавал латинский язык, В. Ф. Глушков, работавший в ПГУ со дня основания. Он обладал энциклопедическими знаниями, всегда готов был поделиться ими с молодежью, но исторические дисциплины читал недолго, что объяснялось трудностями методологического характера, и вернулся к преподаванию латыни на ряде факультетов.

На филологическом отделении истфилфака из старых университетских работников преподавал только Николай Петрович Обнорский, прибывший (вместе с братом С. П. Обнорским, будущим академиком) в 1916 г. из Петрограда в Пермь для участия в учреждении университета. Знаток древних и новых языков, специалист в области античной литературы, к тому же в совершенстве

владеющий библиотековедческими знаниями, он внес немалый вклад в историю ПГУ, хотя и не был ученым-исследователем. Но люди такого типа — эрудиты, талантливые преподаватели, просветители в буквальном и высоком смысле этого слова — необходимы вузу, они создают ту атмосферу уважения к знаниям как таковым, независимо от их утилитарного значения, без которой невозможно формирование подлинной интеллигенции.

Еще в 1917 г. Н. П. Обнорский был избран директором фундаментальной библиотеки — должность, рассматривавшаяся в то время (и с полным основанием) как не менее важная, чем должность заведующего кафедрой: ведь от того, как будет комплектоваться библиотека, во многом зависит деятельность всех кафедр и факультетов. Когда библиотека ПГУ была в значительной части передана новым институтам, Н. П. Обнорский принял руководство библиотекой БиоНИИ: ведь он обладал немалой эрудицией и в естественных науках. Ему удалось наладить обмен изданиями БиоНИИ с научными учреждениями СССР и всего мира, благодаря чему библиотека института обогатилась ценными книгами.

С 1932 по 1942 г. Н. П. Обнорский заведовал кафедрой иностранных языков университета, преподавал английский язык, а в период войны, когда возрожденный историко-филологический факультет остро нуждался в преподавателях, он в семидесятилетнем возрасте вернулся к преподаванию классических языков и античной литературы. Е. О. Преображенская, приглашенная Н. П. Обнорским на кафедру иностранных языков преподавателем немецкого и французского языков, а впоследствии в течение многих лет руководившая этой кафедрой, вспоминала: «Николай Петрович, талантливый педагог и воспитатель, восхищал студенчество и нас, тогда молодых преподавателей, своей эрудицией, увлеченностью делом, щедрой доброжелательностью к людям. Удивительно деликатный, тонкий, он незаметно руководил нами и пользовался каждым случаем, чтобы раскрыть перед нами что-то новое, вызвать интересные ассоциации обычными на первый взгляд языковыми или литературными явлениями». Помимо своих основных обязанностей, Е. О. Преображенская выполняла специальное задание по подготовке переводчиков с немецкого языка, столь необходимых фронту.

На филологическом отделении работали ленинградские ученые Б. П. Городецкий (декан) и Д. К. Мотольская, прибывший несколько ранее из Киева доцент А. Ф. Шамрай (защитивший во время войны докторскую диссертацию) и другие. О качестве лекций некоторых из них, как и Н. П. Обнорского, вспоминает слушавшая их Т. А. Рубинштейн: «Какие профессора нас обучали! Это были ленинградцы, спасенные в блокаду. До сих пор с благоговением помню нашего профессора Бориса Петровича Городецкого, известного в стране пушкиниста, лекции которого были не только чудом научного откровения, но и чудом лекторского искусства. Послушать его прибегали студенты всех факультетов. А искрящийся ум Д. К. Мотольской, ее семинары были подлинной кузницей творческой мысли. Николай Петрович Обнорский! Так и представляется его маленькая фигурка, перепоясанная крест-накрест портфелями с книгами, а то и толкающая перед собой тележку с книгами. Книжки предназначались для нас...»

На естественнонаучных факультетах учебный процесс обеспечивался относительно стабильным составом преподавателей, сложившимся в довоенные годы. Значительный научный потенциал биологического, геолого-географического и, в меньшей степени, физико-математического факультетов был использован прежде всего в соответствии с лозунгом «Все для фронта, все для победы!» Применительно к научной работе лозунг означал ее переориентацию на решение актуальных задач оборонной промышленности, поиск сырьевых ресурсов, непосредственную помощь промышленным предприятиям, колхозам и совхозам, интенсификацию самих научных исследований.

Необходимы были всеобщая мобилизация интеллектуальных ресурсов страны, психологическая перестройка научных работников, требовавшая нередко временного отказа от традиционных и дорогих данному ученому направлений исследования, если они далеки от актуальных проблем военного времени. На такую перестройку были нацелены усилия ректората и партийной организации. Уже на заседании ученого совета в сентябре 1941 г. решено исключить из плана научной работы 46 тем (из 75), чтобы переключиться на выполнение срочных заданий центральных и местных органов власти

и на разработку инициативных тем, непосредственно связанных с потребностями фронта и тыла.

Наиболее оперативно включались в оборонную тематику химии. На заседании ученого совета в декабре 1941 г. справедливо подчеркивалось, что химический факультет очень быстро нашел свое место в помощи производству и все его кадры буквально загружены работой по заданиям промышленных предприятий, связанным с оборонной тематикой. Это объясняется как спецификой химических наук, непосредственно связанных с различными аспектами металлургии, нефтяной промышленности, фармакологии и т. д., так и тем обстоятельством, что в Перми находились наркоматы, заинтересованные в выполнении ряда химических исследований. Но все эти объективные факторы не обеспечили бы высокой эффективности оборонных исследований химиков ПГУ, если бы они сами под руководством ведущих ученых Г. Г. Кобяка, И. И. Лапкина, Д. М. Марко, Р. В. Мерцлина, В. Ф. Усть-Качкинцева не работали с полной отдачей сил и сознанием своего научного и гражданского долга.

В исследованиях оборонного характера принимала активное участие эвакуированная из Ленинграда и в 1941—1944 гг. работавшая доцентом кафедры неорганической химии Т. И. Темникова, выпускница университета.

Получение высококачественного авиационного топлива, жидкого топлива из местных углей, улучшение качества бензина из местной нефти, способы восстановления отработанной резины, изготовление спецбумаги, возможность приготовления некоторых взрывчатых веществ в местных условиях, использование отходов, сырья для получения химико-фармацевтических препаратов — вот далеко не полный перечень выполненных химиками работ. Не все разработанные рекомендации удалось реализовать, но многое из предложенного пермскими химиками было использовано наркоматами и отдельными предприятиями.

Особое место занимает выполнение научно-производственных заданий по получению ценных медицинских препаратов для местных госпиталей — уротропина, камфары, эфира для наркоза. На факультете была создана полужаводская установка с производственной мощностью около 300 кг эфира в месяц, что полностью удов-

летворило потребность эвакуогоспиталей, расположенных в Перми и области.

Вклад научных сотрудников других факультетов в оборонную работу выражался в способствовании решению народнохозяйственных задач в промышленности и сельском хозяйстве. Особые задания оборонного характера выполнял доцент кафедры теоретической физики П. Е. Степанов. Другие сотрудники физико-математического факультета (Б. И. Зубарев, И. П. Мерзляков) работали по заданию Наркомугля, завода «Красный строитель» и других предприятий.

Геологи были заняты изысканием местного минерального сырья для производства строительных материалов (П. И. Герасимов, В. А. Апродов). Эти работы выполнялись по договору с Академией архитектуры, для которой были подготовлены атласы соответствующих месторождений в Пермской области, использовавшиеся и областными организациями. Доценты Б. А. Гаврусевич и Н. Д. Палицын составили сводку месторождений известняков СССР и дали рекомендации для постройки карбидокальцевых заводов. Они же провели анализы и испытания цементного сырья, гипсов, известняков и днабазов, изучив днабазы Пермской области как сырье для кислотоупорного каменного литья. Г. А. Максимович по договору с Юго-Камским заводом провел изыскания местных флюсовых известняков и формовочных песков для нужд завода. Запасы были найдены, завод начал их использование, в результате чего транспорт освободился от перевозок этих материалов по железной дороге из других дальних районов. Иногда подобного рода работы требовали привлечения научных работников смежных дисциплин. Например, геологи совместно с химиками (В. К. Воскресенский и Г. Г. Кобяк) выполнили работы по отысканию из местного сырья заменителей мела как строительного материала. Были открыты запасы известняков горы Банной.

Большинству сотрудников биологического факультета не потребовалась перестройка, так как проблемы повышения урожайности, рыбоводства, хозяйственного использования лугов и торфяных болот, которыми они занимались до войны, полностью сохранили свою актуальность и в военные годы. Так, В. Н. Наугольных и О. М. Трубецова по договору с областным земотделом продолжали изучать влияние повышенных температур

на ускорение прорастания огородных семян; А. О. Таусон — водные ресурсы Пермской области; В. А. Крюгер совершенствовал составленную в основном до войны геоботаническую карту области и т. д. У биологов, таким образом, научно-оперативная работа частично смыкалась с их фундаментальными научными направлениями.

Географы оказали существенную помощь пермскому «Сельэлектро» по географическому обоснованию малых ГЭС на притоках первого и второго порядка реки Камы, управлению лесного хозяйства — по природно-хозяйственному районированию лесов уральского Прикамья, Камскому бассейновому управлению — по изучению многолетних колебаний гидрометеорологических элементов на водосборе Камы.

На историко-филологическом факультете, восстановленном накануне войны, конечно, не успели сложиться научные направления. Сотрудники факультета совместно с кафедрой марксизма-ленинизма занимались в основном пропагандистской работой, связанной с разоблачением идеологии и политической практики фашистов, с освещением героических традиций русского народа. Собственно научное значение имели исследования в области истории революционного движения на Урале, проводившиеся доцентом Ф. Е. Мельниковым. В частности, изучив местный архивный материал, он положил начало исследованию революционных событий в Перми и Прикамье в 1905—1907 гг.

В целом усилия ученых ПГУ были высоко оценены как местными партийными и советскими органами, так и руководством Наркомата просвещения СССР. В письме наркома ректору Томского университета летом 1943 г. Пермский университет ставился в пример как вуз, сумевший, помимо своей основной работы по подготовке высококвалифицированных кадров, успешно решить и другие задачи, имеющие большое хозяйственное и оборонное значение. В 1943 г. Наркомпрос премировал ученых Пермского университета Д. М. Марко и П. И. Герасимова за успехи в выполнении научно-исследовательских работ.

В то время ученые ПГУ, как и других научных учреждений, стали задумываться о перспективах развития науки после войны; возникла возможность сочетать ре-

шение насущных оборонных задач с развитием фундаментальных научных направлений.

Впервые в военное время эта идея прозвучала на ученом совете, где в докладе ректора Р. В. Мерцлина поставлена в качестве основной задача выработки научного направления, определяющая научное лицо кафедры. Дробность и пестрота научно-практических тем, не позволяющая координировать усилия различных ученых, их быстрая научная исчерпываемость, ориентированность на конкретный утилитарный результат становились тормозом на пути развития фундаментальных исследований. На факультетах со сложившимися научными традициями, где работали видные и опытные ученые, такая опасность обозначилась и осозналась раньше и быстрее. Заботу вызвало не только настоящее науки, но и ее будущее. Так, химики продолжают, работая на нужды обороны, изучать и процесс пиролиза керосина в газогенераторах, и методы получения твердого канифольного мыла, и способ получения сахарина электрохимическим путем, не прерывают исследования природных земляных красок (получена краска защитного цвета). Однако в 1944 г. возрождается начатое еще в двадцатые годы изучение коррозии металлов. Первоначально тема определена в рамках кафедры физической химии, но позднее к изучению проблемы коррозии подключились и другие кафедры факультета. Темы обобщающего характера появились и в планах других факультетов. Например, изучением геоморфологии пермского Прикамья занимался доцент В. А. Апродов.

Выполнение такого большого объема работ требовало крайнего напряжения сил, тем более, что это нередко означало не просто исследования по известным методикам, но и подлинный научный поиск, вторжение в область неизвестного. Были и бессонные ночи, и неизбежные разочарования, и, конечно, счастливые находки! Так работали ведущие ученые и молодежь.

Партийная организация уделяла повышенное внимание политико-воспитательной работе, поддержанию высокого морального духа студентов и сотрудников даже в самые горькие месяцы военных неудач, состоянию мобилизационной готовности, сознательной дисциплины и организованности. Еженедельные (а иногда и дважды в неделю) политинформации в студенческих группах, за которые отвечал прикрепленный преподаватель, а также

действовавшие с 1942 г. лекторий и кружки текущей политики для сотрудников — таковы были основные формы идеологической работы в университете.

Особенно велика была роль кафедры марксизма-ленинизма, которой с 1943 г. заведовал прибывший из Ленинграда Я. Р. Волин.

Профессора и преподаватели университета читали лекции по общественно-политической проблематике, по истории отечественной науки и культуры на предприятиях, в воинских частях, госпиталях. Лекции З. С. Романовой, Т. Л. Левиной, П. Н. Таркова, А. Н. Храковской, Ф. Е. Мельникова пользовались популярностью в массовых аудиториях, на предприятиях Перми и области.

И все же главным результатом работы ПГУ в годы войны был выпуск специалистов, столь необходимых стране и в условиях военного времени, и в послевоенные годы. Всего за время войны из университета выпущен 471 специалист для работы на предприятиях, в вузах, научных учреждениях и школах Урала. 30 человек пополнили ряды партийных, комсомольских и советских работников.

В том, что коллектив университета с честью выдержал испытания военного времени, немалая роль принадлежала ректору Р. В. Мерцлину (1903—1971), назначенному на этот пост в первый же день войны в связи с уходом А. И. Букирева в армию. Он руководил университетом до 1946 г.

В жизни Романа Викторовича Мерцлина пермский период (с 1930 по 1950 г., когда он был назначен ректором Саратовского университета) занимает особое место. Здесь он начал исследования в области физико-химического анализа. Изучая многокомпонентные системы, Р. В. Мерцлин разработал теорию превалирования, открывающую путь к предвидению характера равновесия в той или иной заданной системе. В 1939 г. он защитил докторскую диссертацию «Расслаивание как метод физико-химического анализа многокомпонентных систем». Научные труды Р. В. Мерцлина (их общее число составляет около 100 работ), посвященные гетерогенным равновесиям, явлениям высаливания, разработке методов сечения, дающих возможность без химического анализа определять составы равновесных фаз в многокомпонентных системах, принесли ему известность в стране и за

рубежом. Он создал новое направление в физико-химическом анализе, новую научную школу.

Р. В. Мерцлин был крупным организатором вузовской науки, воспитателем студенчества и общественным деятелем, депутатом Верховного Совета РСФСР, заслуженным деятелем науки РСФСР. Целеустремленность, большое человеческое обаяние, душевная щедрость Романа Викторовича привлекали людей. Он имел разнообразные знания и интересы, любил историю и литературу, математику и физику, был остроумен и весел, удивлял искусством устного рассказа. Он любил молодежь, охотно выступал перед студентами с беседами. Они отвечали ему взаимностью. В. А. Оборин, студент первой послевоенной пятилетки, вспоминает: «Мы гордились своим ректором, когда он выступал в любой аудитории города — высокий, красивый, с окладистой бородой, со значком депутата Верховного Совета РСФСР... К нему всегда мог прийти по всякому вопросу любой студент».

Научные идеи и замыслы Р. В. Мерцлина, возникшие в Пермском университете, получили дальнейшее развитие на кафедре физико-химического анализа Саратовского университета, где под его руководством выполнены фундаментальные теоретические исследования различных фазовых состояний в многокомпонентных системах.

Ныне идеи Р. В. Мерцлина объединяют ученых многих городов страны. Существует традиция проведения межвузовских конференций, посвященных памяти Р. В. Мерцлина, на которых его ученики и единомышленники обсуждают актуальные проблемы развития физико-химического анализа. (В Перми такая конференция проводилась в июне 1985 г.)

Пережив вместе со всей страной и горечь отступления, и трагические потери членов коллектива, внося свой вклад в достижение Победы и ратными подвигами, и вдохновенным трудом, и воспитанием новых поколений специалистов различных профилей, Пермский университет приобрел ту боевую и трудовую закалку, которая была необходима для успешного преодоления трудностей восстановления и решения задач, вставших на новом этапе истории советского общества.